

Художественный текст: лингвокультурологический аспект исследования

Л. Н. Ишмуратова*, А. С. Махмутова, Г. Г. Хисамова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: lidiya.ishmuratova@yandex.ru*

Лингвокультурологические подходы к изучению языков занимают достойное место в ряду научно-лингвистических парадигм и играют важную роль в лингвометодике. Статья посвящена лингвокультурологическому аспекту анализа художественного текста. Художественный текст обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, его национальная специфика, семантика и символика дают учащимся новые знания, помогают изучающим язык освоиться в новом языковом пространстве, а русский читатель получает возможность приобщиться к иной культуре, культуре другого народа.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокультурологический анализ, национально-культурная семантика, тюркизмы-регионализмы.

В последние годы усиливается интерес к анализу художественного текста как национально-культурного феномена. Лингвокультурологические подходы к изучению языков заняли свое достойное место в ряду научно-лингвистических парадигм, стали играть важную роль в лингвометодике [3–4].

Изучение художественного текста с лингвокультурологических позиций характеризуется вниманием к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики: «Если говорить о национально-культурной самобытности художественного текста, то следует отметить, что она базируется на национально-культурной семантике языковых единиц разных уровней, а также за счет коннотативной и фоновой информации, закодированной в тексте» [4, с. 21].

Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах [3, с. 59–60].

При изучении русскими и иностранными учащимися текстов художественной прозы, в которых отражаются культура и быт тюркского народа, его обычаи и традиции, этические нормы, особенности образного мышления, особая роль отводится тюркизмам-регионализмам [5].

Русские писатели, в творчестве которых нашли отражение башкирские мотивы, умело использовали региональную лексику башкирского происхождения.

Так, С. Т. Аксаков включает в текст тюркизмы при описании природы Башкирии, для создания реалистической картины быта башкир и других народов, издавна населяющих этот край: «Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохой или неуклюжим сабаном, твою плодородную почву! ... Уже поспел житительный кумыс, закис в кобыльих турсуках, и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют допьяна целительный, благодатный, богатырский напиток. После этого исчезают недуги голодной зимы и даже старости...»; «Прекрасен ты, чудесный край, свежи, зелены и могучи стоят твои раздольные леса, и рои диких пчел шумно населяют рукотворные борти твои, заноса их душистым липовым медом...» («Семейная хроника»).

У П. П. Бажова безэквивалентная региональная лексика вводится в текст сказов, где используются мотивы и образы башкирского фольклора: «Здравствуй, Айлып! ...Не возьмешь ли ты меня замуж? – А какой, – спрашивает, – за тебя калым платить?»; «...Дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где еще какой знак поставит» («Золотой волос»). Региональная лексика в уральских сказах помогла Бажову более полно охарактеризовать рассказчика – старого бывалого горщика (от его имени ведется повествование), передать своеобразие горнозаводской речи, в которой было немало заимствований из башкирского языка: «Кому в это вникать не доводилось, тому – что бор, что парма, что урман, что тайга – все лес, а на деле разница есть... Урман от тайги большую отличку имеет. По урману не то что пешему, а и конному пробираться просто, там всегда прогалы есть... Ну а тайга – лес сплошняком. Через такой не сразу продерешься» («Дорогой земли виток»).

Национально окрашенная (безэквивалентная региональная, а также фоновая) лексика органично вписывается в современную русскоязычную прозу и поэзию Башкортостана, широко и разнообразно представлена в переводах с башкирского языка на русский.

В русских переводах произведений З. Бишевой, Г. Ибрагимова, К. Мэргэна, А. Хакимова, Я. Хамматова, Х. Давлетшиной, М. Карима, Р. Султангареева, Д. Булякова, И. Абдуллина и др. сохраняется национальное своеобразие оригинала. В первую очередь это достигается использованием в художественном тексте региональной этнокультурной лексики, которая создает своеобразие описываемой местности, способствует созданию исторического колорита [1–2].

В произведениях на историческую тему употребляются регионализмы преимущественно культурно-бытового характера (при описании патриархально-родового образа жизни, общественно-политических событий, таких как: золотоордынское иго, присоединение башкирских племен к Русскому государству в XVI в., башкирские восстания XVIII в.). С целью передачи исторического колорита используются историзмы и архаизмы, связанные с социальной принадлежностью персонажей, с военным делом и бытом, много религионимов, лексических единиц, характеризующих обряды, обычаи, жизненный уклад башкир разных исторических эпох: «Для Аим наступила пора сменить девичью косоцветку на инхалек – широкую ленту с монетами, которая замужними женщинами прикрепляется на затылке и свисает ниже пояса поверх кос» (Г. Ибрагимов); «Никого судьба Минлибики, видно, не волнует», – сказала она, намекая, конечно, на сивую тут же кюндеш (кюндеш – соперница, вторая жена) (К. Мэргэн); «Чтоб вымыть и выскрести дом, в такие осенние дни принято устраивать омэ – приглашать девушек и молодых невесток. Под смех и шутку они легко, играючи отмывают дом, потом веселятся, поют, пляшут» (З. Бишева); «Ратные дела и житейские заботы обсуждались аксакалами на йыйынах – собраниях одного или нескольких родов. Из самых дальних владений рода съезжались роды и на праздники, тогда устраивали байге – скачки, состязания мудрецов, сэсэнов, певцов, танцоров, кураистов... Джигиты соревновались в борьбе, в джигитовке...» (З. Бишева); «На пороге показалась белая чалма, величиной с добрую тыкву. Под чалмой болталась длинная, жиденькая, как осенний ковыль, козлиная борода. Ахат в ужасе отпрянул назад. За ним пузом вперед ввалился мулла Габбас» (З. Бишева).

Многие регионализмы поясняются самими авторами, локальный характер семантизации позволяет понять смысл и значение слова-регионализма, ведь для небашкирской аудитории регионализмы представляют определенные трудности (особенно в произведениях на историческую тематику), что вызывает необходимость их толкования. Преобладают подстрочные примечания и развернутые толкования в тексте.

Ассимиляция регионализмов на уровне текста проявляется в том, что они начинают подчиняться нормам русской грамматической системы. Часть существительных остается морфологически неосвоенной, например, несклоняемые существительные; род отдельных существительных можно определить только аналитически: медресе – «мусульманское духовное училище», байбисе – «госпожа, жена бая», казы – «колбаса, приготовленная из цельной полосы конского сала», турэ – «начальник, чиновник», шэжэрэ – «родословная».

Раскрытие внутренней формы имен собственных, различные приемы семантизации безэквивалентной лексики, формальная и семантическая освоенность регионализмов на уровне текста облегчают его восприятие.

Регионализмы и тюркизмы вообще, а также фоновая лексика участвуют в создании художественного образа. В основе многих тропов (сравнений и метафор) лежит куль-

турно-бытовая, природная лексика. Региональная и фоновая лексика создает образную систему, связанную с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, бортничество, скотоводство и т.п.): «Мой Закир... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребеночек, этот город...» (З. Бишева); «Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлученная с верблюжонком!» (Х. Давлетшина); «У молодой енги... походка, как у откормленной кобылы! Уй-бай!... грубая шуточка Истебая... умастила ее капризный нрав» (Х. Давлетшина); «Солнце поднялось на длину аркана» (Н. Мусин); «До заката один аркан времени остался» (Я. Хамматов); «Недаром со всей округи самые бойкие джигиты возле нашего аула, как осы вокруг колоды с медом, вьются» (М. Карим); «Твоя Аим-хурнак ... носит мед из нашего улья к чужому» (хурнак – «пчела, которая ворует мед из других ульев») (Г. Ибрагимов).

Часто используются мифологические образы (аждаха – «дракон, чудище»; шайтан – «черт, бес»; албасты – «вурдалак, злой дух, чудовище»; тулпар – «крылатый конь»; мэскэй абей – «ведьма, злая колдунья»; шурале – леший; джинн, див, пери и др.) – они глубоко народны, национальны и придают повествованию особую экспрессивность и эмоциональность: «Словно коварная юха – которая по башкирскому поверью двенадцать лет живет и все двенадцать лет изводит людей страхом смерти, затуманил он разум племен и народов, подчинив своей воле...» (А. Хакимов); «Три самых верных, самых неустанных тулпара, считал он, двигают общественный прогресс – наука, просвещение, ремесла» (А. Хакимов); «Алмабике влетела, как разъяренная аждаха, стоило только Тухвату гармонь в руки взять. – Постыдились бы, щенки, заводить своего шайтана под ухом старшины-олатая! Чтоб тише воды, ниже травы были, слышите?!» (З. Бишева); «Какой шайтан привел его сюда, видно, лишь затем, чтобы еще сильнее растравить его душевные муки?» (М. Карим); «Сарбиямал схватила за руку Бибеш... втащила в аласык. – Волосы расчеши, албасты! Чтоб быстро!» (З. Бишева); «Аб-ба, не сглазить бы, Юлыш-турэ, я уж подумал, не Урал-батыр ли проснулся, из чрева гор вышел» (А. Хакимов).

Например, особенности мировосприятия юной героини трилогии З. Бишевой передаются при помощи сравнений, в которых постоянно присутствуют образы восточных сказок: «Сад казался Емеш волшебным садом при дворе сказочной девы-пери»; «Над горами висит красноватое марево, похожее на хвостатую многоголовую аждаху»; «Емеш принялась вообразить, будто покрывается золотым одеялом дочери джинна».

Взаимовлияние, взаимодействие языков – это одновременно взаимодействие культур. Через переводы произведений национальных, в том числе башкирских писателей русский язык обогащается своеобразной лексикой, русский читатель получает возможность приобщиться к иной культуре, культуре другого народа.

Кроме того, художественный текст является важным средством формирования билингвальной языковой личности, так как обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, его националь-

ная специфика, семантика и символика дают учащимся новые знания, помогают изучающим язык освоиться в новом языковом пространстве.

Литература

1. Махмутова А. С., Хисамова Г. Г. Русский язык и культура речи. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 122 с.
2. Махмутова А. С., Хисамова Г. Г. Региональный компонент вузовского курса «Русский язык и культура речи» на национальном отделении //Российский гуманитарный журнал, 2015. – Т. 4. – №2. – С. 449–454.
3. Саяхова Л. Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 152 с.
4. Хайруллина Р. Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста. – Уфа: Диалог, 2016. – 117 с.
5. Хисамова Г. Г., Махмутова А. С., Ишмуратова Л. Н. Художественный текст в обучении русскому языку //Успехи современной науки и образования. – Т. 3. – №4. – 2017. – С. 172–176.

Статья рекомендована к печати кафедрой русской и сопоставительной филологии БашГУ
(докт. фил. наук, проф. Ф. Г. Фаткуллина)

Literary text: the linguo-culturological aspect of the research

L. N. Ishmuratova*, A. S. Makhmutova, G. G. Khisamova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: lidiya.ishmuratova@yandex.ru*

Linguistic and cultural approaches to the study of languages occupy a worthy place among scientific and linguistic paradigms and play an important role in the linguistic method. The article is devoted to the linguistic and cultural aspect of the analysis of the literary text. The literary text has a powerful linguodidactic potential: the semantic perception of the means of its linguistic expression, its national specificity, semantics and symbolism give students new knowledge, help students learn the language in a new linguistic space, and the Russian reader gets the opportunity to join another culture, culture of another people.

Keywords: artistic text, linguoculturological analysis, national cultural semantics, turkisms-regionalisms.